

Российская Академия Наук
Институт философии

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

№ 16

Москва
2011

Редколлегия:

*С.И. Бажов, И.И. Блауберг (ответственный секретарь),
И.С. Вдовина, М.Н. Громов, Т.Б. Дугач, А.А. Кротов,
В.А. Куренной, Н.В. Мотрошилова, А.В. Никитин,
А.М. Руткевич (главный редактор),
А.В. Смирнов, М.Т. Степаняц*

Отв. редакторы номера

С.И. Бажов, И.И. Блауберг

Рецензенты

доктор филос. наук *М.А. Маслин*
доктор филос. наук *В.Л. Васюков*

Данный выпуск журнала содержит главным образом статьи и публикации, в которых освещается малоисследованная проблематика различных этапов историко-философского процесса в России. Наибольшее внимание авторы выпуска уделяют древнерусской философской мысли, а также отечественной философии XIX и XX вв., в том числе концепциям К.Д.Кавелина, В.С.Соловьева, П.И.Новгородцева, Н.О.Лосского. В номере публикуется перевод статьи С.Л.Франка «“Я” и “мы” (к анализу общения)». Здесь также помещено исследование, посвященное одному из эпизодов истории установления интеллектуальных контактов в арабоязычном христианстве XIII в.

Выпуск журнала адресован специалистам, аспирантам, студентам и всем интересующимся историей отечественной и восточной философии.

М.Н. Громов

Типология русской философии в контексте европейской культурной традиции*

По поводу русской философии существует довольно значительный диапазон суждений – от неумеренного восхваления существующих и выдуманных достоинств до полного отрицания таковых. Идет полемика по поводу периодизации русской философии, ее начала и основных стадий эволюции, включенности в европейское и мировое мыслительное пространство. Спорят специалисты и дилетанты всех мастей относительно прошлой истории, современного состояния и перспектив будущего развития. В этой полемике, длящейся почти два века, если ее отсчитывать со времени выхода первого специального труда по истории русской мысли, написанного архимандритом Гавриилом Воскресенским (Казань, 1840), высказано немало обоснованных суждений и ценных замечаний. Они принадлежат как российским специалистам по истории философии и собственно философам Э.Л.Радлову, Г.Г.Шпету, В.В.Зеньковскому, Н.О.Лосскому, Г.В.Флоровскому, С.Н.Булгакову, Н.А.Бердяеву, И.А.Ильину, Б.П.Вышеславцеву, А.Ф.Лосеву и многим другим, так и зарубежным авторам Т.Масарику, Д.Скэнлану, Д.Клайну, В.Гёрдту, Ф.Коплстону, А.Валицкому, о. Томашу Шпидлику и иным авторам. Относясь с уважением к тем мыслям по поводу русской

* Статья представляет собой полный текст доклада, сделанного в кратком варианте на Финско-российском философском симпозиуме в Хельсинкском университете 14 июня 2010 г.

философии, которые принадлежат как вышеупомянутым, так и неупомянутым авторам, попробуем и мы высказать свое суждение касательно данного вопроса.

Начнем с обозначения самого объекта исследования, по поводу которого также ведутся нескончаемые споры. Что есть русская философия? Предложим свою точку зрения, согласно которой в широком смысле слова она есть совокупность всех философских по своей сути, а не только по формальным признакам, идей, образов, концепций, присутствующих в русской культуре начиная с ее возникновения до сего дня. Существуют более узкие трактовки русской философии, когда она понимается как мыслительный процесс, тесно связанный с литературной традицией, поэтому Достоевский и Толстой рассматриваются не только как великие писатели, но и как великие философы. Она может также пониматься как функция религиозной мысли, тесно связанная с богословием, – тогда митрополиты Платон Левшин и Филарет Дроздов, священники Георгий Флоровский и Павел Флоренский предстают как яркие религиозные мыслители. Распространено мнение, что русская философия является вторичной по отношению к западной и возникла она не ранее реформ Петра Великого. Есть суждение, согласно которому только начиная со славянофилов складывается собственно русская философия и ее первым достойным представителем стал Владимир Соловьев. Существуют также иные оценки и дефиниции.

Определений русской философии может быть столь много, сколь много существует дефиниций философии вообще. В каждом из них акцентируется некий условно выделяемый аспект феномена, называемого русской философией. В этой связи наиболее разумной, на наш взгляд, является та точка зрения, согласно которой феномен русской философии целесообразно рассмотреть с позиции широкой ее трактовки, которая имплицитно включает в себя все остальные версии как частные варианты общей теории.

Фундаментальный подход в изучении любого объекта предполагает максимальный охват эмпирической базы, аутентичную интерпретацию разнородных источников, рассмотрение исследуемого феномена на всех без исключения стадиях развития, а также учет его предистории и постистории. Лишь собрав всю совокупность данных и проследив полную динамику развития, можно

сделать обоснованные выводы о специфике данного объекта, его внутренних особенностях, связи с внешними факторами, о его структурной организации и о том, что называется типологией, топикой, своеобразием. Отсюда следует, что *типологией русской философии* уместно считать предельно обобщенные о ней представления, характеризующие ее качественное своеобразие и сведенные в определенную структурно-системную целостность.

Типологические особенности начинают формироваться на самой ранней стадии развития объекта, поэтому изучение типологии русской философии нужно начинать с анализа ее генезиса на эмбриональной стадии первичного существования в предысторический период. Генезис отечественной культуры и возникшей в ее лоне первоначальной протофилософской мысли уходит в глубины дохристианской Руси, где трудно установить начальную точку отсчета. Мифологическая модель мироздания сформировала в сознании язычников важнейшие установки: нерасторжимую связь с природными циклами, поклонение стихиям в виде богов восточнославянского пантеона, синкретическое неразличение материального и духовного аспектов бытия, почитание тотемов и предков как способ социальной детерминации.

Древнейшие общечеловеческие мифологемы, вроде «брака неба и земли», и архетипы коллективного сознания, вроде «мирового древа», служили образно-символической интерпретации природы, общества, человека. Тройная вертикальная структура мироздания (небо, земля, преисподняя), четверичное горизонтальное членение пространства (север, юг, восток, запад), бинарные оппозиции (верх – низ, мужское – женское, день – ночь) содержали невербальные символические модели объяснения бытия, которые впоследствии будут преобразованы в вербализированные и рационализированные концепции. При внешнем примитивизме протофилософские идеи, присутствующие в недрах мифологического сознания, играли важную подготовительную роль в будущем развитии философской мысли.

Собственно начало русской философии обычно связывают с крещением Руси. Христианство заменяет уравновешенный натуралистический пантеизм язычества напряженным противостоянием духа и материи, драматическим конфликтом добра и зла, борьбой божественного и дьявольского начал. Идея вечного круговорота

сменяется концепцией векторного, эсхатологического, финалистического типа. Вчерашний язычник, живший ограниченным родовым сознанием, – ныне неофит – призывается к личной моральной ответственности, его жизнь подключается к мировому универсуму, судьба родного этноса подчиняется ходу мировой истории всего человечества, необычайно расширяется кругозор как отдельного индивидуума, так и общества в целом.

В этот период начинают формироваться важные типологические черты древнерусской мысли, которые станут устойчивыми ее константами в последующий период. Это прежде всего *панэтизм*, иначе называемый «онтологизацией этики», который выражает устойчивое стремление рассматривать все явления социального и природного характера в морально-этическом плане. Мы видим в летописных источниках, что нашествие иноплеменных на Русскую землю трактуется как божья кара за моральное разложение страны. По этой же причине поражают людей болезни, падают династии и рушатся царства. Стремление древнерусских авторов не только описать конкретно-исторические события, но и понять внутренние их причины вырабатывало *историософичность* как философское осмысление истории, что примет в русской традиции устойчивую интенцию. Ценным памятником в данном отношении является «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона Киевского, где показан смысл мировой истории как смена ветхозаветного Закона новозаветной Благодатью и где христианский универсализм автора XI века органически сочетается с его патриотизмом.

Тесно связан с прежде указанными типологическими особенностями *антропологизм* древнерусских мыслителей, их преимущественный интерес к человеку, его душе, предназначению, смыслу существования. Жизнестроительный характер древнерусской мысли подчеркивается в «Житии Феодосия Печерского», где святой старец, наставник в праведной жизни, ставится выше философов, склонных к абстрактным размышлениям. Митрополит Никифор в XII веке говорит о противоборстве духа и плоти, о трехчастном устройении души, включающей в себя (1) яростное, стихийное, оргическое начало, (2) волевое, целеустремленное и (3) высшее, словесное, связывающее с Богом и призванное управлять человеком. Его современник великий князь Владимир Мономах, написавший на склоне лет свое «Поучение», задается вопросом: что есть чело-

век, как подумаешь о нем? Затем, ссылаясь на Василия Великого, на Псалтирь и другие почитаемые источники, призывает своих детей «быти благочестия делателям»: уклоняться от зла, творить добро, искать мира в душе и согласия с ближними, а более всего иметь в себе «страх Божий», понимаемый как неукоснительное следование моральным заповедям, что отличает человека от животного и оберегает его от всех превратностей судьбы.

Подобные душеспасительные идеи встречаются и у западных философов, богословов, подвижников, что роднит русскую средневековую мысль с аналогичной европейской. Однако постепенно складываются и некоторые отличия, которые связаны с воздействием на древнерусскую культуру кирилло-мефодиевского наследия. Славянский первоучитель IX века святой равноапостольный Константин-Кирилл, прозванный Философом за обширные познания, просветительскую деятельность, первое на славянском языке определение философии, стал наиболее авторитетным мыслителем в регионе *Slavia orthodoxa*, образцом философа как такового. Он вместе с братом Мефодием перенес на славянскую почву византийский гуманитарный синтез филологии, философии, богословия, где каждая предыдущая наука является преддверием, ступенью, пролегоменами последующей. Он же способствовал утверждению платоновской линии развития философии в качестве доминирующей на восточнохристианской почве, в то время как западное христианство развивало по преимуществу аристотелизм и схоластическую традицию в богословии и философии в духе св. Фомы Аквинского, что породило в дальнейшем рационализм Нового времени, а позднее аналитическую философию и другие сходные феномены западной мысли, склонной к строгому понятийному дискурсу.

Платонизм в виде христианизированного неоплатонизма и *триединство филологии, философии, богословия* стали важными типологическими особенностями русской мысли, что мы видим не только у таких средневековых авторов, как Кирилл Туровский, Максим Грек, Иосиф Волоцкий, Симеон Полоцкий, но также у Владимира Соловьева, о. Павла Флоренского, о. Сергия Булгакова и упомянутых выше Достоевского и Толстого. Каждый из них выступает един в трех лицах: как мастер словесного искусства, как глубокий мыслитель, как бо-

гословствующий автор. Филология предстает как начало гуманитарного знания, ибо без умения понимать слово, владеть словом, творить в слове не может быть никакой последующей гуманитарной деятельности. Лишь овладевший искусством слова может погрузиться в метафизические глубины с целью познания первопричин бытия или обратить свой взор на небеса при желании приобщиться к высшим сакральным ценностям.

Подобную особенность живой русской мысли, соединяющей словесное, метафизическое и религиозное в творческом единстве, отмечали многие специалисты по русской философии. Если в случае с Достоевским это вполне очевидно, то как, скажем, у русских марксистов и социалистов проявляется религиозное начало? Бердяев и другие исследователи природы русского коммунизма отмечали его религиозный пафос, мессианскую направленность, конфессиональную нетерпимость, что делало его своеобразным суррогатом религии, квазихристианством, секулярной верой как превращенной формой предшествовавшего религиозного сознания, хотя адепты и апологеты марксистской идеологии всячески стремились доказать ее абсолютно научный характер.

Со времени крещения Руси складывается еще одна важная типологическая особенность русской культуры в целом и русской мысли в отдельности. Это *софийность*, которая ярко проступает в русской софиологии Нового времени, но которая стала формироваться много веков ранее. Важно отметить, что русская софийность проявляет себя не только в вербальном виде (как рациональном, так и мистическом), но и в невербальном – через храмостроительство, церковное искусство, иконопись, гимнографию. При этом художественный, эстетический, символический образ Софии Премудрости Божией выглядит более впечатляюще, чем вербальные его отображения. Данное обстоятельство заставляет пересмотреть традиционное представление о философских источниках как единственно вербальных и расширить его в семиотическом плане до максимально возможного привлечения всей совокупности вербальных и невербальных текстов с целью их интегрального, комплексного рассмотрения. Так, немецкий представитель западной иконологии Эрвин Панофски именуется готику «каменной схоластикой», подчеркивая стилистическое сходство той и другой.

Для понимания становления софийной традиции на Руси имеет значение один характерный эпизод из юности св. Константина-Кирилла, описанный в его житии. В пророческом сне стратиг града Салоники, уроженцем которого был святой, предложил юноше выбрать из самых красивых девушек спутницу жизни. Но сердце его не тронула ни одна из них. И вдруг он увидел стоящую в стороне деву, сияющую неземной красотой, и спросил, как ее зовут? Ответ был – София. И возлюбил он ее всем сердцем, и духовно обручился с ней в пророческом сне, и служил ей всю жизнь. Таким образом, мудрость может предстать не только в виде полезного рассудочного знания. Она может явиться как отражение возвышенной небесной красоты, которой уместно поклоняться и которую хочется страстно возлюбить. Это эмоциональное, трепетное, волнующее в духе платоновского эроса отношение к мудрости, которое лежит в основе отечественной софиологии, весьма важно для ее понимания. София философа выше, чем муза поэта, она предстает как отражение божественного Логоса, вдохновляющего мыслителя на творчество и стремление к Истине. Если муза служила Аполлону, то София служит Спасителю, а это более высокий тип служения, сакральный по своей сути.

Образ Софии Премудрости Божией сложился как контаминация древнегреческого образа градодержавицы Афины Паллады, покровительницы искусств, ремесел, философии, и библейской девы Мудрости из Книги Притч, которая воздвигла храм на семи столпах и призвала жаждущих сокровенного знания войти в него. В свое время Лев Шестов сказал, что есть Афины и есть Иерусалим, и они никогда не сойдутся. Однако они сошлись в Константинополе в храме Святой Софии, главнейшем для всего православного мира. Отсюда проистекает столь важный византийский синтез мудрости, искусства и религии, о котором говорилось выше. В нем испытанный временем античный союз философии и литературы дополнился сакральной составляющей.

Это обстоятельство отчасти объясняет, почему русская мысль тяготела к художественной линии развития и почему среди русских философов так много писателей и поэтов, а среди мастеров слова – мыслителей. Великая русская литература в лице Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого в немалой степени обязана своей мировой славой философскому ее содержанию. Данное заме-

чание справедливо по отношению к древнерусской иконописи, называемой «умозрением в красках» (Е.Н.Трубецкой), «богословием в красках» (Л.А.Успенский), «философией в красках» (Б.В.Раушенбах). Философия может развиваться не только в вербальных, но и невербальных формах, не только рациональным, но и художественным способом. Учет этого фактора важен для понимания типологии русской мысли, носящей в немалой степени *художественный характер*, что формирует особую эстетику мысли. Вместе с тем следует уточнить, что эта типологическая особенность отечественной философии сильнее проявляется в средневековый и барочный периоды, а с возрастанием сциентизма и позитивизма в Новое время она начинает дополняться *наукообразными формами* философствования, особенно после основания в 1724 г. Санкт-Петербургской академии наук, развития светского образования и нарастания секуляризационного процесса в российском обществе и культуре.

Необходимо также отметить *связь языка с философией*. Давно подмечено, что грамматически и синтаксически русский язык очень пластичен. В отличие от строгого построения предложения в немецком и английском языках он позволяет выстроить высказывание в любой форме, довольно свободно переставляя подлежащее, сказуемое, другие члены предложения. Это качество позволяет мысли, выраженной на русском языке, быть весьма гибкой, виртуозной, богатой оттенками, но одновременно лишает ее той строгости, упорядоченности, дисциплины, которые свойственны немецкому, английскому и другим более формализованным языкам. *Пластичность* русской философии, определяемая языком ее существования, своеобразной плотью мысли, является еще одной типологической характеристикой, присутствующей на всех стадиях ее эволюции вплоть до нашего времени.

Изначально языком богословского, философского, литературного творчества был церковнославянский, созданный великими просветителями Кириллом и Мефодием. Они отстояли перед Римским папой его сакральное равенство с древнееврейским, греческим и латынью, и как таковой он употребляется до сего дня в православном богослужении уже более тысячи лет. На его основе складывалась богословская и философская лексика, о его высоком значении для литературы говорил Михаил Ломоносов в учении о